

Цинь Цзюнь свернулась калачиком в объятиях Цзиньсю и крепко уснула, но на её лбу так и не разгладилась морщинка. Увидев это, Сяо Тао с беспокойством переглянулась с Цзиньсю.

В Верхней столице вошло в моду почитание учёных мужей. В народе даже говорили: «Лучше жить без мяса, но не без бамбука».

Ночь уже глубока, и шумное празднество Нового года к рассвету окончательно угасло, погрузившись в тишину.

«Ветра порыв — и облака вскипают». Цзи Сы стояла у окна, слушая, как ветер шумит в бамбуковых листьях. Внезапно на её плечи легло тепло — Дядюшка Ван накинул ей меховую накидку.

— Она ушла, — сказала Цзи Сы.

Дядюшка Ван склонил голову, подумал и произнёс:

— Мисс явилась глубокой ночью — должно быть, она всё же о вас беспокоится.

Цзи Сы бросила на него быстрый взгляд и усмехнулась:

— И это говоришь ты?

Дядюшка Ван почтительно сложил руки, давая понять: да, это сложно объяснить. И уж никак не мог он представить Цзи Сы в роли женщины, что дни напролёт ждёт возвращения возлюбленного, а ночами ропщет на его неверность.

Цинь Цзюнь купила Цзи Сы, месяц продержала в гостинице, а потом перевезла в резиденцию Ли. Со стороны её поступки мало чем отличались от поведения тех господ, что заводят наложниц. Но вот что странно: Цинь Цзюнь обращалась с Цзи Сы почтительно, не переступая границ. Да и в Нефритовом тереме красавиц было хоть отбавляй — зачем же понадобилась полумёртвая Цзи Сы из конюшни?

Сомнений было много. Цзи Сы, от природы недоверчивая, не могла успокоиться.

Она лишь играла отведённую ей роль, стараясь сделать это как можно лучше. Льстила Цинь Цзюнь, заискивала, угождала — словно настоящая куртизанка, жаждущая снискать милость покровителя. Было бы проще, если бы Цинь Цзюнь просто швырнула её на постель — тогда стало бы ясно, что та жаждет лишь её тела.

Но Цинь Цзюнь оказалась этаким «Лю Ся-хуэем»: не только сохраняла хладнокровие, но даже взгляд её не менялся. Может, искусство соблазнения у Цзи Сы было ещё недостаточно отточено? Или же все её уловки были для Цинь Цзюнь подобны весеннему ветерку и мелкому дождю — не способным взволновать и на миг?

Дядюшка Ван промолвил:

— Возможно, это и вправду простое совпадение. Или Матушка Фан, видя ваше нежелание принимать гостей, решила таким образом от вас избавиться.

— В день пожара я её спрашивала, — ответила Цзи Сы. — Она сказала, что та сразу направилась в заднюю конюшню.

Дядюшка Ван запнулся:

— Это...

— Люди без выгоды и с постели не встанут. Заплатив за меня целое состояние, чего же она добивается? — пробормотала Цзи Сы.

— Старый слуга не ведает.

Цзи Сы скрестила на груди руки, взгляд её потемнел:

— Следуя за ней, я, возможно, смогу раскрыть тайну своего происхождения.

Она закрыла глаза:

— Ступай, разузнай, сколько в Верхней столице богатых семей по фамилии Ли и есть ли среди них дочь её лет.

— Слушаюсь, — ответил Дядюшка Ван.

В комнате было тепло, словно весной.

Цинь Цзюнь бережно уложили на кровать. Она прижалась щекой к мягкому шёлковому одеялу, и сознание её поплыло.

Цзиньсю и Сяо Таоцзы бесшумно хлопотали: принесли воду, умыли Цинь Цзюнь, вытерли ей руки, сняли обувь и верхнюю одежду, осторожно перевернули с боку на бок — совсем как ухаживают за уставшим дитятей.

Цинь Цзюнь дышала ровно и глубоко. Детская округлость ещё не покинула её щёк, и даже умывание не разбудило её.

Цзиньсю какое-то время молча наблюдала за ней.

— Принцесса похудела, — тихо проговорила Сяо Таоцзы. — И вроде стала живее прежнего... хотя, может, и нет.

Цзиньсю лишь кивнула, поправила одеяло и вышла из комнаты.

— Принцесса вчера перебрала вина и до сих пор не пробудилась, — донёсся из-за двери голос Сяо Таоцзы.

Цинь Цзюнь нахмурилась, с трудом разлепила веки и увидела, что за окном уже светает.

— Когда принцесса проснётся, прошу вас, малая госпожа Тао, немедля известить нас.

Голоса затихли, удаляясь. Цинь Цзюнь почувствовала, как веки вновь наливаются свинцом, и снова провалилась в сон.

Цзи Сы поднялась лишь после полудня. Пока она трапезничала в главном зале, привратник доложил о прибытии гостя с подарками.

Дядюшка Ван подал Цзи Сы салфетку для рук. Та вытерла руки, промокнула губы платком и велела убрать со стола.

— Была ли визитная карточка? — спросила она.

Слуга покачал головой.

Цзи Сы слегка прищурилась:

— Впусти.

— Слушаюсь.

Весть передали, и ожидавший у вторых ворот человек поднял коромысло и вошёл внутрь. Подарки, упакованные в лакированные ящики, заняли целых девять нош. Все ящики были из красного дерева и перевязаны алым шёлком. Во главе процессии шёл немолодой уже мужчина в тёмном стёганом халате. Он распоряжался расстановкой ящиков, чувствуя себя здесь вполне естественно.

Цзи Сы появилась на галерее, слегка кашлянула в платок и с улыбкой спросила:

— Осмелюсь спросить...

Увидев, как слуги замерли, а управляющий, услышав голос, обернулся, Цзи Сы — стройная, в белых одеждах, с лицом, словно у Гуаньинь, — уже стояла под крышей галереи. Управляющий явно удивился, поспешно сложил руки в приветствии:

— Этот малый — управляющий из резиденции Ли. Не смею спросить, как обращаться к вам...

Улыбка Цзи Сы не коснулась её глаз, да и всегда в ней сквозила лёгкая насмешка:

— Я содержанка хозяина этого дома.

Управляющий опешил, словно не сразу понял её слова. Наконец он выпалил:

— Меня... меня послал молодой хозяин доставить его кухне кое-какие вещи. Это новогодние подношения от него, так что я привёз всё разом.

Цзи Сы глядела на алый шёлк и красное дерево, уголки её губ едва заметно дрогнули:

— Ку-зи-на?

Управляющий почтительно подтвердил:

— Именно так.

— Раз уж вы — родня госпожи, не откажитесь выпить чашку простого чая.

Цзи Сы велела слугам пригласить управляющего внутрь. Тот, смущённый, стал отнекиваться:

— Дело сделано, не смею более беспокоить... А как мне к вам обращаться?

— Зовите меня Пинь-нян, — сказала Цзи Сы.

Лицо управляющего перекопилось. Личное, «домашнее» имя женщины могли использовать лишь самые близкие. Спрашивая, как обратиться к даме, обычно называли фамилию: «госпожа такая-то», «девица такая-то». А так откровенно назвать имя, да ещё с прибавлением двусмысленного уменьшительного суффикса — это уж точно уловка женщин с панели.

Прошло несколько мгновений, прежде чем управляющий, с тёмным лицом, кое-как отдал поклон Цзи Сы и, забрав своих людей, стремительно удалился.

Цзи Сы не стала удерживать, лишь улыбалась, провожая их.

Дядюшка Ван распорядился отнести подарки в кладовую, взглянул на Цзи Сы и вздохнул:

— Сударыня могла бы просто объяснить, что вы управляете этим домом.

Цзи Сы усмехнулась, но не ответила:

— Ступай, проследи, где эти люди остановились.

— Слушаюсь.

Перед уходом Дядюшка Ван приготовил для Цзи Сы лекарство. Пока она сидела в зале, перебирая струны цитры, служанка поднесла ей отвар.

Цзи Сы выпила снадобье, поставила чашку на поднос и холодным взглядом поймала украдкой наблюдавшую за ней девушку.

— Го-госпожа! — служанка с глухим стуком опустилась на колени. — Дядюшка Ван... Дядюшка Ван велел мне впредь слушаться ваших приказаний.

— Боишься, что я тебя съем? — Цзи Сы мягко улыбнулась, и её глаза-фениксы наполнились бездонной нежностью. — Как зовут?

Ли Яо, увидев эту улыбку, вдруг перестала бояться. Ей показалось, что даже небесные феи не сравнятся красотой с Цзи Сы. Глаза её были подобны ликам божеств и небожителей в храмовых святилищах — полные сострадания и безмерно высокие. Голос звучал холодно, но интонация была ровной, неторопливой и очень приятной.

— Отвечаю госпоже: эту рабыню зовут Ли Яо.

Цзи Сы кивнула. Настроение её, казалось, улучшилось:

— Не стой здесь, можешь идти.

Ли Яо тут же склонила голову:

— Слушаюсь.

Улица Сяньян.

— Пф-ф! — Ли Удуань выплюнул чай чуть ли не через всю комнату. — Содержит куртизанку?!

Управляющий кивнул и поспешил сделать успокаивающий жест, прося говорить тише.

Ли Удуань умолк, огляделся и облегчённо вздохнул: хорошо, что управляющий перед разговором отослал всех слуг.

Управляющий тяжело вздохнул:

— Ваш слуга тоже был потрясён.

Ли Удуань замер, на лице его сменялись краски — зрелище было то ещё. Наконец он немного пришёл в себя:

— Кто ещё знает о сегодняшней поездке с подарками?

Управляющий покачал головой:

— Девять нош с ящиками и без того бросаются в глаза, а раз уж подношения отбывали с улицы Сяньян, где селятся чиновники, мы побоялись лишних глаз. На выезде использовали простую подводу для слуг. А возвращаясь, чтобы та... особа не проследила связь и потом не пристала к принцессе, и вовсе сделали большой крюк.

Ли Удуань закивал, снова взял чашку, но рука его дрожала:

— Поступил правильно. Ни в коем случае нельзя позволить этой женщине нас выследить. А сама она... Какая она?

— Раз уж принадлежит принцессе, то, без сомнения, красоты неопишуемой, — сказал управляющий.

— Я не об этом спрашиваю! — вспыхнул Ли Удуань. — Она же куртизанка! Каков её нрав? Была ли она чиста, когда её покупали? Ты-ты...

Управляющий покраснел до корней волос:

— Молодой хозяин, мы ведь в Верхней столице недавно, ещё и рук не приложили, чтобы всё разузнать.

Ли Удуань тяжело рухнул в кресло:

— Цзюнь-эр тайно содержит... Эта Верхняя столица и впрямь место развращённое!

Управляющий промолчал.

— Держи это в секрете. Найди нескольких расторопных, пусть разузнают, откуда эта женщина, — безучастно распорядился Ли Удуань.

Управляющий склонил голову:

— Слушаюсь.

— И ещё, — начал Ли Удуань, но тут же махнул рукой. — Ладно... Ах...

Управляющий, видя озабоченное лицо господина, и сам расстроился:

— Молодой хозяин, может, мы просто старомодны? В Верхней столице ведь такое в порядке вещей.